

Чжэн Янь и У Ду проводили Дуань Лина до дверей императорского кабинета, и Чжэн Янь, поклонившись, произнес:

— Ваше Величество, Ван Шань здесь.

— Входи, — раздался голос Ли Яньцю.

Дуань Лин бесчисленное количество раз готовился к этой встрече, но в момент, когда он зашел в кабинет, его разум полностью опустел.

В тот день, когда он столкнулся с Ли Яньцю в крытой галерее, он вообще не смог ничего сказать. Да и сегодня он не мог вымолвить ни слова.

Ли Яньцю сидел за своим столом, на котором была разложена экзаменационная работа Дуань Лина. Он отвел взгляд от сочинения и осмотрел его. На этот раз Дуань Лин хорошо разглядел черты лица Ли Яньцю.

Он был очень похож на отца Дуань Лина: брови, глаза и нос явно принадлежали тому человеку, которого он постоянно видел во снах. Он потерял его слишком давно, и как только увидел Ли Яньцю, ему показалось, что он снова пребывает во сне.

Когда-то он боялся, что, поскольку жизнь так длинна, со временем он забудет, как выглядел его отец, что в конце концов он потеряет тот единственный огонек своей жизни — незаменимый свет. И все же, когда он снова увидел Ли Яньцю, его охватило чувство привязанности — как будто пока Ли Яньцю был здесь, перед ним, он мог ощущать присутствие отца через него.

Это связующее звено, кровно связавшее их, никогда не исчезнет.

— Ван Шань?

Дуань Лин пришел в себя и, встав на колени, поклонился.

— Приветствую вас, Ваше Величество. Я простолюдин Ван Шань.

— После сегодняшнего дня ты уже не будешь простолюдином. Они еще не закончили оценивать все экзаменационные работы, но я никак не ожидал, что первая, которую я прочту, окажется твоей. Присаживайся. Я хотел бы кое о чем тебя попросить.

Дуань Лин снова поклонился и отошел в угол комнаты, сев за низкий столик. Когда он поднял глаза, чтобы взглянуть на Ли Яньцю, оказалось, что он тоже смотрит в его сторону.

У Дуань Лина был очень длинный день: он вернулся в город на рассвете и прибыл во дворец вечером, всю ночь писал экзамен, и не успел оглянуться, как уже перевалило за полночь.

Ли Яньцю был измотан еще больше, чем он сам: он провел утреннее собрание, интеллектуально сражаясь со своими чиновниками, и заседание продолжилось даже после окончания собрания. Прислонившись к краю стола, он молча смотрел на собеседника, и никто из них не произносил ни слова.

Снаружи все еще шел дождь — ливень казался похожим на водопад, бьющий по окнам, и его ритм смешивался со свистом ветра.

— Что это за звук? — медленно спросил Ли Яньцю, отвлекаясь.

— «Лежу без движенья в деревне забытой: нет скорби в душе, все думы о родине, там, на границе, на северном рубеже. Кончается ночь, только дождь сеет ветер за рамкой окон. Конь в латах по льду на реке на рассвете приходит в мой сон...»*

* Из стихотворения «В 4-й день 11-й луны при сильном дожде и ветре», автор Лу Юй. Оно посвящено готовности ученого сражаться за свою страну. Перевод Стручалиной Г.В.

Ли Яньцю не мог не улыбнуться и медленно вздохнул.

Дуань Лин понимал, что Ли Яньцю, скорее всего, уже узнал о его происхождении, семье, возрасте и брачном статусе от У Ду... Поэтому на данный момент он не мог придумать, о чем еще спросить.

— Ты написал эту работу?

— Да, Ваше Величество.

Конечно, я сам написал эту работу. Кто бы мог сдать экзамен за меня?

— Твое сочинение напомнило мне об одном человеке.

— Это был друг Вашего Величества?

— Он был немногословен и никогда не писал сочинений. Но он говорил и такие вещи — например, «когда идешь по широкому пути, стоит остерегаться, что он может быть неверным».

Дуань Лин знал, что, хотя они перенесли столицу в Цзянчжоу, политическая ситуация оставалась нестабильной, и любой неверный шаг мог привести к тому, что фундамент, на

котором Великая Чэнь строилась долгие годы, рухнет. Поэтому Ли Яньцю столкнулся с большой нагрузкой: ответственность за управление всей империей легла на его плечи. С этой точки зрения Му Куанда для семьи Ли был действительно надежным человеком.

Для борьбы с теми, кто находится внутри империи, у них был хороший канцлер, но не было доблестного генерала для борьбы с теми, кто находится снаружи. Главным бичом их империи были иностранные противники. Дуань Лин полагал, что Му Куанда еще способен стабилизировать ситуацию — достаточно дать ему еще максимум три года, и власть в Цзянчжоу окажется в руках центрального правительства. Что же казалось того, кто именно будет удерживать власть в своих руках — Му или Ли... Этого нельзя было сказать наверняка.

— Мы живем в золотой век. Ваше Величество ввели политику облегченной обязательной службы и низких налогов, так что простолюдины могут рассчитывать на спокойную жизнь и работу. Хотя в данный момент мы страдаем от наводнений, это, естественно, ненадолго. Вашему Величеству нет нужды беспокоиться.

— Ты прав. Наш главный враг по-прежнему на севере.

Ли Яньцю отложил экзаменационные листы Дуань Лина в сторону.

— Сияние жемчужины рано или поздно пробивается сквозь слой пыли. Я уже прочитал твою экзаменационную работу, но в целях справедливости она будет передана чиновникам, которые будут оценивать ее вне зависимости от результатов, ведь только так все смогут оценить твои достоинства. Я закончил задавать тебе вопросы, так что можешь идти. Позови У Ду, когда увидишь его.

И вот Дуань Лин снова распахнул дверь и вышел наружу. Хотя они почти не разговаривали, по какой-то странной причине на душе у него стало необычайно спокойно. Официальная встреча между ними, казалось, успокоила его. Эти два брата, его дядя и отец, обладали странной способностью смотреть на все равнодушным взглядом, независимо от того, переворачивается ли мир с ног на голову. Когда ты рядом с ними, даже если рухнет небо, бояться нечего.

У Ду встретил взгляд Дуань Лина и зашел в кабинет. Дуань Лин стоял снаружи и ждал его, он бросил взгляд на Чжэн Яня, но тот в задумчивости смотрел на завесу дождя, стекающую с карниза. Тем временем сердце Дуань Лина было приковано к У Ду в кабинете, он слышал негромкий голос Ли Яньцю, словно он давал ему указания, и лишь изредка, конечно, слышал его.

На этот раз разговор длился недолго, прежде чем Ли Яньцю сказал:

— Можешь идти.

Только после этого У Ду вышел, быстро кивнул Чжэн Яню и увел за собой Дуань Лина.

— О чем он тебя спрашивал? — задал вопрос Дуань Лин.

Стоя на веранде, У Ду встряхнул плетеный плащ и накинул его на Дуань Лина.

— Он спросил, не нашел ли я какой-нибудь зацепки о местонахождении Чжэньшаньхэ...

Внезапно У Ду затих и, заметив что-то, повернул голову.

— Пойдем, — сказал он.

У Ду взял Дуань Лина за руку, и, выйдя из дворцовых садов, они быстрыми шагами вошли во дворец, свернув в узкий проход между двумя зданиями. Время от времени он заставлял Дуань Лина идти рядом с собой, а иногда — позади, то и дело оборачиваясь, чтобы осматривать верхушки стен.

На этот раз Дуань Лин тоже заметил — по верхней части коридора промелькнула фигура.

Когда они вышли из дворца, вода уже доходила до колен Бэнь Сяо. У Ду сначала посадил Дуань Лина на коня, а затем развернул его спиной, чтобы перекрыть обзор от вершины дворцовой стены до задних ворот.

— Поехали!

Со взмахом поводьев Бэнь Сяо, словно лодка, понесся по воде к противоположному берегу, прорезая темноту.

Поместье канцлера было освещено как никогда ярко. Столько всего произошло, а ведь это был только первый день их возвращения; они вернулись домой мокрые, а в их комнатах уже стояла паводковая вода. Они не были дома весь день, и Дуань Лин уже задремал, но теперь, увидев, в каком состоянии находится их дом, он мгновенно проснулся.

В конюшне у Бэнь Сяо не было места, чтобы прилечь, поэтому он не мог заснуть. Все, что он мог делать, — это отдыхать стоя.

У Ду подошел к нему, чтобы разложить поклажу на столе, и Дуань Лин спросил:

— Кто за нами следил?

— Теневая страж, — ответил У Ду. — Они слишком наглые. Если бы не дождь и я не был с тобой, я бы их точно проучил.

Дуань Лин знал, что Цай Янь уже пытается придумать, как с ним расправиться. Возможно, сегодня они следили за ним только для того, чтобы посмотреть, на что они способны. В следующий раз они могут прибегнуть к более дерзким методам.

— Что сказал тебе Его Величество? — спросил У Ду.

— Ничего. Он просто задал несколько расплывчатых вопросов, ничего конкретного.

Дуань Лин рассказал У Ду, что произошло на встрече с Ли Яньцю, а затем спросил:

— Тогда о чем вы говорили в кабинете?

— Он сказал, что... Он внезапно передумал.

— Что?! — пораженно воскликнул Дуань Лин.

— Он сказал, чтобы я продолжал делать то, что делаю. Раз я не хочу вступать в Восточный дворец, значит, мне следует оставаться на твоей стороне, как и раньше, а об остальном он позаботится. А через несколько дней, как только утихнет наводнение, он сказал, что поручит мне и другие дела. Думаю, речь снова пойдет о Чжэньшаньхэ.

— У тебя есть какие-нибудь сведения о его местонахождении?

У Ду покачал головой.

— Поэтому я и спросил, о чем вы говорили с ним в императорском кабинете.

— Я ни о чем не говорил, — нахмурился Дуань Лин.

— Тогда это странно, — поднял кровать и сказал У Ду. — Подложи кирпичи под ножки кровати. Давай подопрем ее, чтобы мы могли спать.

Дуань Лин подкрепил шатающуюся кровать, которая готова была вот-вот рухнуть. Он впервые столкнулся с наводнением, поэтому не знал, что делать, и мог лишь сидеть на кровати вместе с У Ду, не смея двинуться ни на цунь, чтобы не упасть прямо в воду.

— Я хочу спать, — сказал Дуань Лин.

— Тогда спи. Ночью будь осторожен. Не двигайся.

Дуань Лин не знал, смеяться ему или плакать; ему ничего не осталось, как осторожно прилечь.

— Что мы будем делать завтра? — пробормотал Дуань Лин, обвиваясь вокруг У Ду и прислонившись к его плечу.

Его жизнь была полна неопределенности и опасностей. Му Куанда, Ли Яньцю, Цай Янь... столько вещей и столько людей образовали вокруг него запутанную сеть, из которой он не мог выпутаться — любой его шаг насторожит остальных. Ему нужно было объясниться перед Му Куандой, защититься от козней Цай Яня и подтвердить свою личность перед Ли Яньцю. Столько сложных проблем вставали перед ним стена за стеной, которую невозможно было сдвинуть с места.

— Ни о чем не думай. Спи.

На следующее утро, когда солнце заглянуло в комнату, дождь уже прекратился, но большая часть Цзянчжоу все еще оставалась под водой. И не только Цзянчжоу — река Янцзы за городом тоже резко поднялась.

— Проснись и пой! — прокричал У Ду, направляясь в комнату.

Открыв глаза, Дуань Лин обнаружил перед кроватью деревянные доски, подпертые кирпичами, которые вели от кровати к стене призрачного духа у ворот внутреннего двора, сворачивали за угол и выходили из дома, словно маленький причал.

Дуань Лин ухмыльнулся: солнце уже перевалило за полдень, а он и не подозревал, когда У Ду успел втихую выполнить столько дел без его участия. Он надел верхний халат, застегнул пояс и осторожно зашагал по дорожке. За воротами двора стояла небольшая лодочка с маленькой жаровней, в которой кипела вода.

Дуань Лин сел в нее, а У Ду расчесал и завязал ему волосы.

— Я отведу тебя в интересное место. Пойдем...

— Подожди, подожди! — все тревоги Дуань Лина за прошедшую ночь улетучились, остались где-то далеко позади, и внезапно ему пришла в голову идея.

***

Это было наводнение столетия, и то, что оно случилось в первый новый год, сразу после переноса столицы, было поистине дурным предзнаменованием. Все в городе сплетничали об этом и испытывали тревогу. Дворец же был построен на возвышенности, так что он фактически не пострадал.

Когда Цай Янь встал на рассвете, первым делом он вызвал Фэн До, и, выслушав его доклад, пришел в ярость.

— Как долго он пробыл в императорском кабинете?

— Не более четверти часа. Наши люди хотели продолжить преследование, но У Ду их увидел, поэтому им пришлось отступить.

— Где экзаменационная работа? — голос Цай Яня дрожал.

— Она все еще в императорском кабинете. Его Величество уже прочитал ее, Ваше Высочество. Это не поможет, как бы мы ни старались. Вчера вечером Его Величество приказал Императорской академии всю ночь проверять работы, а к рассвету начать выбирать имена, которые попадут в список почета. Он объяснил это тем, что нельзя больше затягивать с наводнением. Результаты будут опубликованы сегодня днем, а дворцовый экзамен будет объявлен послезавтра.

— Так быстро?! — недоверчиво произнес Цай Янь.

— И если мы подождем до окончания дворцовых экзаменов, то это будет убийство... убийство чиновника императорского двора. Ваше Высочество?

Растрепанный и выглядящий не лучшим образом Цай Янь стоял в дворцовом зале, то и дело задыхаясь.

— Пошли за Улохоу Му, — наконец сказал Цай Янь. — Ты можешь идти.

***

— Му Цин!

Сидя на носу, Дуань Лин прокричал в поместье канцлера через заднюю аллею позади него, а У Ду стоял на корме, управляя их маленьким черным сампаном.

Му Цин высунул голову из окна второго этажа и, заметив, что это Дуань Лин и, похоже, он решил повеселиться, радостно воскликнул и поспешил вниз по лестнице.

— Принеси денег! — кричал Дуань Лин. — Неси много!

— Сколько?! — спросил Му Цин.

— Сотню, наверное! У меня есть письмо, написанное почерком твоего отца, так что нужно сначала достать подпись!

Чан Люцзюнь бросил мешок с серебром, который с грохотом упал в лодку, и вместе с небольшими сбережениями Дуань Лина и У Ду у них оказалось двести двадцать серебряных таэлей и сорок таэлей золота.

Все трое уселись в лодку, и одним толчком шеста У Ду судно свернуло из переулка на главную улицу и устремилось на юг города. На фоне этого бедствия простые жители Цзяннани нашли способ развлечься: они строили временные лачуги на вторых этажах, чтобы открывать свои дельца, как это обычно делается на первом этаже. Многие путешествовали по городу на лодках, а дети сидели в деревянных тазах и гребли по воде.

За ночь Цзянчжоу превратился в водный город. Дуань Лин не мог удержаться от улыбки, а для Му Цина этот пейзаж был еще более необычен, и он был так взволнован, что едва себя сдерживал. Прежде чем начать, У Ду отвез их в штаб-квартиру Черных доспехов, где на носу лодки стоял Се Ю, отправившийся патрулировать город под парусом.

— Генерал Се, — Дуань Лин передал письмо из поместья канцлера. — Пожалуйста, распишитесь здесь, чтобы дать нам разрешение действовать по своему усмотрению.

Проснувшись утром, он первым делом отправился к Му Куанде за официальным письмом от канцлера о выделении им зерна из городских амбаров для временной помощи при стихийном бедствии. Он также принес из дома немного денег, чтобы, если им не хватит зерна, они могли купить еще. Но для этого ему все равно нужно было разрешение Се Ю.

С ними был Му Цин, так что он служил ходячим жетоном. Се Ю на мгновение оценивающе посмотрел на Дуань Лина — за ним стояли два великих убийцы в сопровождении сына канцлера — и подписал для него документ. Цзянчжоуская армия выделила ему десять лодок, которые он мог использовать по своему усмотрению.

И вот Дуань Лин возглавил десять черных сампанов Черных доспехов; он приказал снять с лодок навесы, и их величественный флот отплыл к зернохранилищам. Получив продовольствие, они зигзагами двигались по городу с У Ду во главе, разделяя улицы и переулки, чтобы раздать зерно.

Это был его дом, его страна.

Дуань Лин пересаживал жителей пострадавших районов на лодки и отвозил их на возвышенности. Закончив раздавать всю еду, он поднял взгляд на берег реки, уже превратившийся в бескрайнее водное пространство, и вздохнул, оглядываясь по сторонам.

Иногда, когда попадались простолюдины, которые застряли на высоте и не могли выбраться в город, У Ду протягивал свой шест, чтобы помочь им перебраться в лодку, прежде чем отвезти

их обратно в город.

Пройдя через городские ворота, они свернули в темный переулок, и Дуань Лин прокричал в обе стороны:

— Кто-нибудь еще здесь?! Вы меня слышите?

Из конца переулочка до них донесся пожилой голос, и Дуань Лин заметил, что это была старушка, сидящая на балконе второго этажа. Это место было уже близко к Цзянчжоуской низменности, и вода поднялась до второго уровня, остался лишь небольшой участок пола. Старуха дрожащим голосом взывала к тем, кто находился под ней, на непонятном языке.

— С вами все в порядке? — обратился Дуань Лин к пожилой женщине.

Когда У Ду узнал старушку, его брови судорожно сошлись, и она улыбнулась в ответ, узнав его. У Ду положил поблизости шест и запрыгнул на балкон, чтобы перенести ее в лодку. Она была очень благодарна и протянула руку, чтобы погладить Дуань Лина по лбу, а он опустил глаза и позволил ей дотронуться до себя. Му Цин улыбнулся, и она тоже потянулась к нему, чтобы погладить по лбу.

Как оказалось, когда они проходили мимо «Лучшей лапши в мире», хозяин взял у Черных доспехов немного муки и дал им коробку клейких рисовых лепешек. Му Цин открыл коробку, чтобы с ней поделиться.

— Ее дом под водой, — сказал У Ду, — нам придется попросить Черных доспехов отвезти ее в другое место, чтобы она могла жить на более высокой земле. Нам не стоит брать ее с собой.

— Вы из Сянбэя? — Дуань Лин посмотрел на старуху и по звукам ее речи смутно понял, что она говорила на сянбэйском. Он знал лишь немного на сянбэйском, например, такие простейшие фразы, как «спасибо» и «приходите», но говорить на нем не мог.

Чан Люцзюнь смотрел на Дуань Лина так, будто даже не был с ним знаком.

— Сколько языков ты знаешь?

— Я когда-то бегал по всему миру со своим отцом, — ответил с улыбкой Дуань Лин. — Наверное, понемногу знаю все.

Когда они свернули на более широкую улицу, перед ними по воде проплыл сампан. Человек, стоящий на нем, был высок и строен, он шел против ветра с мечом, привязанным к спине, — это был Лан Цзюнься.

Столкнувшись лицом к лицу с Лан Цзюнься без предупреждения, Дуань Лин поневоле отступил назад, но У Ду похлопал его по плечу, чтобы помочь выпрямиться.

— Улохоу Му! — окликнул его Му Цин.

Лан Цзюнься поклонился на расстоянии и, повернувшись, чтобы сказать несколько слов своим подчиненным, приблизился к их сампану. Он произнес что-то на сянбэйском, и на лице старушки засияла улыбка, она что-то ответила ему с лодки Дуань Лина.

— Что он сказал? — спросил У Ду у Дуань Лина.

— Я пришел за тобой, — прошептал Дуань Лин. — Мы найдем тебе другое место для ночлега. Все затоплено.

— Большое спасибо, — с ничего не выражающим лицом сказал Лан Цзюнься и, шагнув вперед, нагнулся и протянул руку. Старушка кивнула Дуань Лину и остальным в лодке, а затем взяла Лан Цзюнься за руку, он посадил ее на спину и отнес к сампану. Перед тем как уйти, он обернулся и посмотрел на Дуань Лина.

Их лодка и сампан разошлись, и они отправились каждый в свою сторону. Дуань Лина вдруг охватило какое-то невыразимое чувство, но, когда рядом были Чан Люцзюнь и Му Цин, он не мог ничего спросить.

***

Вскоре они прибыли на место, где договорились встретиться с Черными доспехами. Все уже раздали все пайки, и, хотя их было не так уж и много, но, по крайней мере, достаточно, чтобы справиться с насущными потребностями этого дня.

— Давайте разойдемся, — сказал Дуань Лин Му Цину. — Большая часть денег тоже закончилась, так что мы еще немного осмотримся, и, если увидим кого-нибудь, кого можно спасти, мы его спасем.

Му Цин и Дуань Лин договорились встретиться за ужином в поместье ближе к вечеру, после чего Му Цин сел с Чан Люцзюнем на другую лодку, и они расстались. У Ду и Дуань Лин остались одни, и У Ду направлял их лодку по водной глади. Когда они вышли из городских ворот, вода, заливающая городские стены, уже была не такой мутной и желтой, как на городских улицах. Вместо этого она казалась слегка зеленоватой.

Только теперь Дуань Лин спросил У Ду:

— Что это была за бабушка?

— Его соплеменница. Из Сянбэя. Смотри, там собака. Спасем ее?

Белое пятно на реке, которое в один момент казалось плывущим, а в другой — тонущим, на самом деле оказалось белой собакой, беспрестанно барахтающейся в воде. Дуань Лин свистнул в ее сторону, и собачка подплыла к ним, а когда забралась в лодку, то начала трясти шерстью, разбрызгивая воду. У Ду выругался про себя и сделал вид, будто собирается вышвырнуть ее обратно в реку, а белая собака поспешно спряталась за Дуань Лина и посмотрела на У Ду с высунутым языком.

Одна тонущая собака... Дуань Лин погладил ее по голове, и она послушно легла на палубу, отдыхая с ним рядом.

На лодке сидели несколько птиц, а в углу — кошка и два кролика. Всех этих животных они увидели по дороге и решили спасти, чтобы вечером привезти в поместье канцлера.

У Ду сел, скрестив ноги, и после паузы произнес:

— Ее зовут госпожа Фэйлянь, ее дочь была помолвлена с Улохоу Му. Много лет назад генерал Чжао Куй отправил несколько человек в родной город Улохоу Му, они долго расспрашивали жителей деревни и в конце концов забрали ее с собой.

— Я никогда не слышал, чтобы он упоминал о ней.

— Генерал Чжао использовал госпожу Фэйлянь в качестве заложницы, чтобы принудить Улохоу Му, — сказал Дуань Лину У Ду. — Он попросил его отправиться в Шанцзин и привезти твою голову.

Дуань Лин вспомнил тот момент в Шанцзине, когда объявился Лан Цзюнься.

— После этого... Ну, конечно, ему не удалось тебя убить, — добавил У Ду.

Дуань Лин кивнул, пробормотав:

— Значит, вот что произошло.

Не успел Дуань Лин обдумать все в деталях, как кто-то издали подплыл к ним на лодке и прокричал:

— Кто вы?! Пожалуйста, помогите! Кто-нибудь из вас врач? Скорее найдите нам врача!

У Ду и Дуань Лин одновременно подняли глаза, и, не дожидаясь вопроса Дуань Лина, У Ду

направил лодку к тому человеку.

Этот мужчина, похоже, был простолюдином, живущим неподалеку от Цзянчжоу, а в его лодке находился солдат, одетый в доспехи Северного командования. Его броня была уже вся изорвана и потрепана, а сам он, прислонившись к борту лодки, выглядел довольно скверно.

— Что с ним? — спросил Дуань Лин.

— Он болен. Кто вы? — ответил лодочник Дуань Лину.

Дуань Лин ступил в лодку, чтобы сначала проверить пульс солдата, и обнаружил, что у него был сильный жар и он бредил. По словам человека, доставившего его сюда, это был гонец, прибывший с севера с важным посланием из города Е, которое было необходимо представить императору. Однако, судя по всему, весь путь на юг он проделал в нужде, а после того, как в Цзянчжоу несколько дней подряд шли дожди, он простудился, отчего у него поднялась высокая температура, и в конце концов он потерял сознание.

***

Ливень прекратился, и в Цзянчжоу официально наступило лето. Солнечный свет освещал заиленные мутные паводковые воды, скопившиеся на улице прямо за воротами дворца, и в какой-то момент начали звенеть цикады, действуя на нервы. В Восточном дворце витал запах сырости, не желающий уходить, словно что-то в нем постепенно разлагалось и обрастало плесенью.

— Убить его в Цзянчжоу снова будет невозможно, — сказал Лан Цзюнься. — Если не принимать во внимание, сможем ли мы сделать это, не насторожив У Ду и Чан Люцзюня, то в любом случае ты не сможешь его убить. Если мы пойдем на этот риск от отчаяния, то, несомненно, Его Величество что-то заподозрит. Это все, что я могу сказать, а если ты мне не веришь, можешь попробовать послать Теневую стражу. Как только У Ду убьет столько людей, что улицы будут усеяны трупами, и оповестит императорский двор, это будет как раз тем, что нужно для подтверждения его личности.

— Лан Цзюнься, ты лжешь мне.

Лан Цзюнься замолчал, не обращая внимания на Цай Яня, и продолжил пить свой чай.

— Если ты хочешь кого-то убить, у тебя есть множество способов сделать это. Я отказываюсь верить, что ты находишься на краю пропасти. Ты ведь никогда не хотел убивать его в ту ночь, я прав?

Как и прежде, Лан Цзюнься не ответил ему.

— Скажи что-нибудь! — Цай Янь внезапно пришел в ярость и прорычал на него так, словно находился на грани срыва.

— Ты прав, — наконец ответил ему Лан Цзюнься.

Цай Янь задыхался, как умирающая рыба под палящим солнцем. Он отрывисто произнес:

— Отлично... ты... я так и знал... ты лгал мне все это время...

— Если ты хочешь покончить со всеми своими проблемами, есть только одно решение. Фэн До должен был до него додуматься.

В глазах Цай Яня словно забрезжила надежда, и он дрожащим голосом спросил:

— Что мне делать? Скажи. Что мне делать?

Лан Цзюнься поднял бровь на Цай Яня.

— Вам давно пора пойти и проведать своих людей, Ваше Высочество. Я только что вернулся с главной улицы и видел, как наследник империи вместе с наследником канцлера спасали людей по всему городу, раздавая еду.

Цай Янь с удивлением уставился перед собой, а Лан Цзюнься изящно и вежливо кивнул ему. И в этот момент снова появился Чжэн Янь.

— Его Величество желает, чтобы наследный принц прибыл в боковой дворцовый зал для совещания. Прибыла срочная военная депеша из города Е.

***

Ли Яньцю уже в третий раз видел «Ван Шаня».

Императорский врач проверял состояние солдата, чиновники громко переговаривались, а Ли Яньцю плохо спал накануне, поэтому от шума у него разболелась голова. Солнце проникало в дворцовый зал, превращаясь в ослепительный луч света.

Дуань Лин стоял под этим лучом позади У Ду и смотрел по сторонам; он впервые наблюдал такое событие — хотя здесь присутствовали не все придворные, но около половины из шести министров. Тем временем императорский лекарь делал солдату иглоукалывание, а У Ду стоял неподалеку и наблюдал за происходящим.

Когда солдата принесли во дворец, он что-то сказал в ступоре, но У Ду в это время был занят поисками, поэтому Дуань Лин был единственным, кто это слышал. После того как Му Куанде доложили об этом, он попросил Дуань Лина остаться, чтобы, если солдат не очнется, именно он смог передать ему сообщение.

Придворные ненадолго затихли, когда в зал зашел Цай Янь.

— Говори, — произнес Ли Яньцю.

Дуань Лин подошел и осмотрел лоб солдата — он был обжигающе горячим.

— Ваше Величество, Ваше Высочество, — сказал Дуань Лин, — господа, это защитник Е, прибыл с севера со срочной военной депешей, чтобы доложить императорскому двору.

Се Ю спросил:

— Что там написано?

Дуань Лин поднял глаза и повернулся к Цай Яню, сидящему рядом с тронном. Солнечный свет прекрасно освещал его черты лица.

— Он повторял одни и те же слова снова и снова, и из них я понял, что месяц назад монголы напали на разные районы за пределами Е и посреди ночи устроили засаду на местных гвардейцев. Стражники проиграли битву. Генерал Ху погиб в схватке, а господин Люй пропал в рядах врага, и в настоящее время его местонахождение было неизвестно.

Все начали это обсуждать, затаив дыхание. Му Куанда на мгновение задумался, а затем сказал Ли Яньцю:

— Это должно быть как-то связано с последним дипломатическим визитом Юань. Тогда монголы предложили использовать сто двадцать ли территории к югу от Юйбигуань для торговли за два города — Е и Хэцзянь. Похоже, что после их безуспешного возвращения они решили взять города силой.

Один пожилой чиновник сделал шаг вперед.

— Ваше Величество, основные силы Северного командования расположены в гарнизоне Юйбигуань, поэтому у них нет возможности перебросить свои войска для поддержки Е и Хэцзянь. Не говоря уже о том, что с начала этого года идет масштабное разоружение, а с учетом наводнения в районе Цзяннани нам потребуется усилить региональные вооруженные силы.

Цай Янь сказал:

— Хэцзянь и Е — стратегические города северной границы Великой Чэнь, соединяющие Ляо на западе и противостоящие Юань на севере. Мы не должны их потерять. На наших границах произошел такой крупный инцидент, а мы узнали о нем только сейчас?!

Все замолчали; Дуань Лин бросил взгляд на пожилого чиновника, но Му Куанда взял инициативу в свои руки.

— Угэдэй не собирался нападать на эти два города. Е находится в нескольких шагах от Великой стены, и, хотя там не так активно ведется торговля, он вполне может прокормить себя сам. Когда в начале года мы сокращали военные расходы, губернатор Е, Люй Чжи, прислал письмо с описанием своих обязанностей в этом регионе, и тогда ничего необычного не происходило. Скорее всего, монголы изменили свои планы и решили отправить войска только сейчас, чтобы захватить два города одним махом. Ван Шань, что еще сказал гонец?

Дуань Лин покачал головой.

— После этого он больше ничего не говорил. Сначала нужно вылечить его болезнь и узнать подробности, когда он придет в себя.

Большинство придворных были людьми умными, и из его кратких замечаний они уже могли как предположить, так и восстановить картину произошедшего — монгольские солдаты внезапно устроили засаду, желая как можно скорее закончить и выиграть битву, застав город Е врасплох. Губернатор и генерал решили защищать город до последнего, и в итоге один из них храбро отдал свою жизнь за империю, а второй пропал без вести, предположительно попав в плен.

— Сколько у нас осталось людей? — спросил Ли Яньцю.

— С седьмого числа позапрошлого года, — Су Фа сделал шаг вперед и поклонился, — военные расходы на границе значительно сократились. К началу этого года их жалованья хватало на пайки для трех тысяч человек. Две тысячи в Е, одна тысяча в Хэцзяне.

С учетом коррупции и хищений, а также того, что на эти деньги приходилось обеспечивать всех тех, кто жил в поместьях губернатора и генерала, содержать две тысячи человек на военные расходы для трех тысяч человек уже было довольно проблематично. Прошлой осенью Ли Яньцю объявил всеобщую амнистию, а весной всем было приказано вернуться к мирной жизни. Северное командование, насчитывавшее пятьдесят тысяч человек, всего за несколько месяцев сократилось на тридцать тысяч, так что теперь они никак не могли выделить подкрепление.

— Вероятно, Люй Чжи еще не умер, — сказал Ли Яньцю довольно безразличным тоном. — На месте монголов я бы не стал его убивать. Это хорошая возможность пошатнуть боевой дух

армии Е и выпытать у него секретную информацию о пограничной обороне.

Все молчали, и Ли Яньцю добавил:

— Раз уж этот инцидент длится уже столько дней, уверен, что, если он подождет еще день, граница не падет. Давайте пока прервемся и обсудим это позже.

Ли Яньцю поднялся, и чиновники один за другим ушли. Цай Янь даже не удостоил Дуань Лина взглядом.

После ухода всех военных и гражданских чиновников Му Куанда и Се Ю сразу же отправились в императорский кабинет, чтобы вместе с Ли Яньцю обсудить план действий. У каждого были свои проблемы — это как раз подходило под идиому «внутренние смуты и внешняя агрессия», ведь все происходило одновременно. Остался только солдат, который все еще лежал на полу с высокой температурой и с трудом дышал. Дуань Лину осталось лишь попросить У Ду взвалить его на спину и вынести из дворца.

По закону его должны были передать в военное министерство, но из-за наводнения в городе министерства едва могли о себе позаботиться. Кроме того, этот солдат был так болен, что, если его оставить в военном министерстве, никто о нем не позаботится, и он может умереть.

— Мы можем забрать его домой, чтобы вылечить его болезнь? — спросил Дуань Лин.

— Так мы и должны поступить.

У Ду перенес солдата в лодку. Вода немного отступила, и теперь она уже не обрушивалась на город так яростно, как раньше.

К тому времени, как они вернулись домой, вода сошла со двора, оставив после себя сплошной беспорядок. Дуань Лин уложил солдата на свободную кушетку, на которой часто сидел У Ду, и сделал ему иглоукалывание, после чего начал составлять рецепт для снижения жара. Сняв доспехи солдата, он заметил рану от стрелы на его бедре и порезы вдоль живота и сделал вывод, что повреждения, вероятно, инфицировались, а припарки для порезов закончились где-то во время путешествия. Попав под дождь и подхватив простуду, которая ослабила его вдобавок к инфекциям, он и заболел.

— Молодой господин Ван! — юный слуга пробрался через воду у ворот и крикнул в сторону дома. — Объявлен императорский список почета! Молодой господин послал меня сюда, чтобы сообщить вам об этом.

Дуань Лин в это время смешивал травы и спросил:

— Я в списке?

У Ду перестал заниматься своими делами.

— Вы заняли седьмое место на столичных экзаменах! — сказал с улыбкой мальчик.

— Ну, хорошо.

Дуань Лин все еще думал о болезни солдата: служащие в армии обычно люди с хорошей конституцией, так что, если он пропишет ему сильное лекарство, тот сможет его принять.

Мальчик спокойно ждал.

У Ду просто смотрел на Дуань Лина с улыбкой на лице, и он вдруг понял.

— Я должен дать ему красный конверт, да?

У Ду достал из кармана под лацканом красный конверт и протянул его Дуань Лину, а тот, в свою очередь, взял его и отдал мальчику. Тот поблагодарил его, и, словно только что очнувшись, Дуань Лин спросил:

— Ты уже знал?

— Я понятия не имел, — сдержанно ответил У Ду. — Но я знал, что ты точно сдашь экзамен.

Дуань Лин в глубине души был очень этому рад, но на секунду он почувствовал недоумение — это, пожалуй, первый случай с момента основания Великой Чэнь, когда наследный принц участвует в гражданских экзаменах и даже попадает в почетный список.

— Но меня действительно выбрали потому... потому что я написал хорошее сочинение?

Если подумать, возможно, он был не особенно взволнован только потому, что ему пришлось писать повторный экзамен и встречаться с Ли Яньцю. Начальный период волнения уже прошел.

— Ш-ш-ш... — У Ду указал на солдата, лежащего на кушетке, что означало, что он должен быть осторожен в своих словах. Затем он подошел к Дуань Лину, сев на колени рядом с ним, повернулся, чтобы заглянуть ему в глаза, и наклонился чуть ближе.

Дуань Лин, думая, что он собирается что-то сказать, тоже наклонился, но губы У Ду внезапно оказались на его губах; щеки Дуань Лина сразу стали пунцовыми, и У Ду углубил поцелуй, обнимая его за талию и приоткрывая его рот, чтобы впиться в него языком. К этому моменту Дуань Лин уже потерялся в этом поцелуе.

Прошла целая вечность, прежде чем он отпустил Дуань Лина, и они посмотрели друг другу в глаза, улыбаясь. Только сейчас сердце Дуань Лина по-настоящему переполняла радость, которая не имела ничего общего ни с экзаменами, ни с политикой. Это была радость, идущая из глубины души. Он действительно убедился в своей компетентности.

У Ду на мгновение задумался и с видимой серьезностью поднял бровь.

— Насколько я помню, ты сказал, что если попадешь в список лучших, то хочешь, чтобы я пообещал тебе одну вещь. Что именно?

Дуань Лин вспомнил, что тогда имел в виду, и снова почувствовал себя неловко. Он долго раздумывал, прежде чем ответить:

— Да так... ничего особенного.

— Завтра состоится дворцовый экзамен, — прошептал рядом У Ду на ухо Дуань Лину. — Когда он пройдет, я научу тебя кое-чему...

Дуань Лин не мог удержаться от того, чтобы не пошевелиться, и сглотнул. Но когда он снова поднял глаза на У Ду, лежащий рядом солдат начал судорожно кашлять, окончательно просыпаясь. Когда он открыл глаза, Дуань Лин и У Ду поспешно друг от друга отстранились.

— Воды... воды...

***

Воздух в сумерках после дождя был чист и свеж, а горизонт заливала кроваво-красная полоса. Под крышами Восточного дворца звонко гудел ветер.

— У меня появилась кое-какая идея, которая может избавить Ваше Высочество от Ван Шаня.

— Говори.

Фэн До долго размышлял над этим и, пройдя несколько шагов по залу, заговорил.

— Судя по ситуации, Ван Шань сдал столичный экзамен, а дворцовый экзамен перенесен на завтра. Он сдаст его независимо от того, войдет ли он в тройку лучших.

Фэн До перевел взгляд на Цай Яня, в его глазах появилось осмысленное выражение, хотя он никогда не задавал лишних вопросов. Цай Янь, однако, чувствовал себя несколько неуютно и разорвал зрительный контакт.

— Чтобы избавиться от этого человека, нам придется устроить несчастный случай. Инцидент должен произойти не в столице — чем дальше, тем лучше.

— Совершенно верно. Продолжай.

— У нас есть прекрасная возможность. Пусть он сдаст дворцовый экзамен в числе трех лучших выпускников.

— А что потом? — пробормотал Цай Янь.

— А дальше у него будет два пути на выбор. Первый — поступить в Академию Ханьлинь*, а второй — покинуть столицу и занять чиновническую должность. Так было всегда; каждому выпускнику в каждом поколении каждой династии предоставлялся один и тот же выбор. Я прочитал его экзаменационное сочинение, и когда придет время, Ваше Высочество должно сообщить Его Величеству, что Ван Шань способен принести стабильность в провинции империи, а держать его в Академии Ханьлинь в качестве учителя было бы пустой тратой его таланта. Таким образом, мы сможем вывезти его из города.

* Высшее учебное заведение в императорском Китае со времен династии Тан.

— Хорошая идея.

Улыбка расплылась по лицу Цай Яня, а нависшие над ним грозовые тучи рассеялись, и казалось, он увидел луч света.

— Сделаю его заместителем магистрата где-нибудь и отправлю за ним Теневую стражу. Решено!

— Но есть еще одна вещь, о которой мы должны позаботиться. Нужно удержать У Ду в городе — мы не должны позволить ему покинуть его.

Цай Янь на мгновение задумался, а затем медленно покачал головой.

— У Ду ни за что не согласится на это. Он обязательно уйдет с Ван Шанем, — Цай Янь встретил взгляд Фэн До и увидел, что он был полон опасений, поэтому добавил. — У Ду — нелюбимый и эксцентричный, он никогда не позволял никому управлять собой. Смотри, до сих пор он так и не принял чиновническую должность.

— Тогда как насчет этого? Предложите канцлеру Му найти какой-нибудь предлог, чтобы оставить У Ду.

Цай Янь промолчал, его брови были нахмурены. После паузы он произнес:

— Если У Ду все время будет с ним, мы сможем его убить?

— Если так, то нам понадобится помощь Улохоу Му. Но, оказавшись вдали от дома, он станет чужаком в незнакомой стране, так что убить его будет гораздо проще. Кроме того, если он окажется вдали от бдительного ока Му Куанды, никто не заподозрит нас ни в чем, даже если мы будем нападать постоянно. Если же его отправить в Цзяочжоу*, где часто происходят нападения пиратов, то будет еще больше причин для покушения.

* Цзяочжоу является частью Циндао, прибрежной провинции на востоке Китая, и во времена династии Северной Сун это был единственный торговый порт к северу от Янцзы.

Цай Янь почувствовал, как с его плеч свалилась огромная тяжесть: если он сможет забросить Дуань Лина в самую глушь и послать за ним отряд Теневой стражи, то даже если они не смогут убить его с одной попытки, то уж в два или три захода точно сделают это? Как бы они ни старались, их всего двое.

— Если с ним будет У Ду, насколько ты уверен, что это можно сделать?

— Десять из десяти. Но нам придется убить и У Ду, иначе он обязательно вернется, чтобы отомстить, если узнает.

— Я оставляю это на твое усмотрение.

Цай Янь сидел в дворцовом зале, а его взгляд был невесел, рассеян и нечитаем.

***

С наступлением темноты У Ду помог солдату сесть на кушетке и облокотиться на спинку, а Дуань Лин напоил его лечебной похлебкой. Солдату очень повезло, что он как-то справился со своей болезнью. Он сказал, что его звали Сунь Тин, он был родом из Е, попал в армию, когда ему было шестнадцать, и вот уже минуло десять лет. Когда много лет назад были переброшены войска, он был одним из тех, кто сражался вместе с Ли Цзяньхуном.

Позже у Ли Цзяньхуна отобрали руководство армией, а Северное командование было реорганизовано; Сунь Тин был переведен обратно в Е, чтобы защищать границу. Е, Хэцзянь и Чанчжоу долгие годы находились в состоянии мира. Совершенно неожиданным стало внезапное нападение монголов с десятитысячным войском. Все жители Е, от высших до низших чинов, решили защищать город до смерти, и им дорого обошлось сдерживание врага.

— Кто их вел? — спросил Дуань Лин.

— Это был монгол по имени Хуаэрка.

Дуань Лин никогда о нем не слышал.

— Под чьим началом он служит?

— Угэдэя. Но они уже ушли. Никто не вернулся после той ночи.

Монголы всегда были такими: бродили вдоль Великой стены, нападая на города и деревни на своем пути. Где бы они ни проходили, они оставляли землю пустой и безжизненной — сжигали все деревни дотла, всех убивали и забирали всю еду.

— Они вернуться, — нахмурился Дуань Лин. — Императорский двор не пришлет больше людей на подкрепление.

— Тогда что нам делать? Если Е будет взят, для Хэцзяня все кончено, и Чанчжоу тоже падет. Весь Хэбэй окажется в руках монголов!

— Что случилось с губернатором? — спросил Дуань Лин.

Сунь Тин покачал головой. Дуань Лин сказал ему пару слов в утешение и заставил прилечь, обещая на следующий день отвести его к императору.

В ту ночь под ясным небом, простиравшимся на многие ли, морщина между бровями Дуань Лина не сходила, и он никак не мог уснуть. Он сидел за дверью, прислонившись к груди У Ду, и думал о том, что можно сделать с Е.

Не то чтобы императорский двор хотел сидеть и ничего не делать, просто у них действительно не осталось резервных сил. Как только войска, стоящие гарнизоном в Юйбигуань, будут переброшены, кидани вторгнутся в город. Тогда все крупные чиновники при дворе непременно скажут, оглядываясь назад: вот видите? Надо было согласиться на условия монгольского посланника и выторговать Е и Хэцзянь. Если бы мы так поступили, ничего бы этого не случилось.

У Ду сказал:

— Может, попросить Се Ю? Пусть пошлет людей в Е и пока стабилизирует ситуацию.

— Нет, он не согласится. Нужно поговорить с Хань Бинем, который служит в Юйбигуань.

— Кто такой Хань Бинь?

Дуань Лин уставился на него, немного потеряв дар речи.

— Ты забыл, Хань Бинь же предал моего... моего... покойного императора. Он входит в состав Северного командования — генерал Тигровой мощи.

У Ду вспомнил. Му Куанда упоминал об этом лишь однажды вскользь, но Дуань Лин каким-то образом все это время держал это в голове. Хань Бинь и Бянь Линбай когда-то были двумя самыми важными генералами Северного командования, и только он был знаком с положением дел на границе. После смерти Чжао Куя войска на границе были мобилизованы, чтобы укрепить оборону на пограничных территориях, и он был единственным, кто мог сразиться с врагом в лоб. Хотя армия Се Ю насчитывала пятьдесят тысяч человек, она состояла из выходцев с юга, принадлежащих к среднему и высшему классу. В краткосрочной перспективе их можно отправить на север для участия в войне, но в долгосрочной они не смогут защитить границу.

Раньше в Хэбэе было шесть городов, но после подписания Шанцзыского договора Шанцзы, Тун и Хуцю на севере отошли к Ляо, а Чанчжоу, Е и Хэцзянь на юге — к Чэнь. После этого Ляо проиграла Юань — в том же году Ли Цзяньхун освободил Джучи — и три города в северной части Хэбэя перешли в руки монголов.

Раньше эта армия носила другое название, которое с тех пор забылось... Несмотря ни на что, Дуань Лин должен был сохранить его.

Он уснул, прислонившись к У Ду, а когда наутро проснулся, его разбудил Сунь Тин.

— Молодой господин, — произнес Сунь Тин, — разве мы не должны сегодня встретиться с императором? Если я не смогу встретиться с Его Величеством, мне придется вернуться домой.

Жена и дети Сунь Тина все еще были в Е. Он уже бывал в Сычуани, поэтому знал, как делаются дела в столице: без денег нет смысла обращаться в военное министерство или министерство доходов. Он желал увидеть императора? Даже если он продержится в столице три-пять лет, все равно не сможет с ним встретиться.

Дуань Лин зевнул.

— Который час?

У Ду во дворе тренировался с мечом.

— Еще рано. Вставай завтракать.

Дуань Лин сказал Сунь Тину:

— Можешь пока подождать здесь. Сегодня я должен отправиться во дворец, чтобы сдать дворцовый экзамен, а когда вернусь, что бы ни случилось, дам тебе однозначный ответ.

Подожди, пока я не выясню, как все решится, а потом отправляйся.

Сунь Тин ни за что на свете не мог предположить, что Дуань Лин окажется человеком, сдавшим столичный экзамен, который, возможно, даже войдет в тройку лучших дворцовых выпускников. Он поспешно поклонился ему.

Но Дуань Лин не смел принимать такую любезность и вежливо сложил руки в ответном жесте. В конце концов, этот человек служил под началом его отца, он был старше его на одно поколение, поэтому он чувствовал к нему некоторую привязанность.

После завтрака У Ду провел Дуань Лина в Зал Высшей Гармонии, но его снова не пустили Черные Доспехи.

— Сегодня состоится дворцовый экзамен. Все посторонние лица должны покинуть помещение.

У Ду так разозлился, что рассмеялся.

— Отлично. Правда, здорово.

Чтобы У Ду не затеял драку, и, как знать, а вдруг всей армии Цзянчжоу достанется, Дуань Лин поспешно произнес:

— Все в порядке. Я сейчас же отправляюсь внутрь.

Как только У Ду поднял руку, двое солдат испуганно отступили, явно предупрежденные. Но к их удивлению, тот лишь положил руку на шею Дуань Лина и, прижавшись лбом к его лбу, прошептал:

— Я буду ждать тебя во дворце, но сначала мне нужно увидеться с императором.

— Хорошо, — кивнул Дуань Лин.

Неважно, на какие чудеса был способен Цай Янь, но во время дворцового экзамена он не осмелится ничего вытворять; Дуань Лин и У Ду обменялись взглядами. У Ду взмахнул рукой, указывая на живот, мол, будь осторожен, помни, что у тебя еще есть секретное оружие, и Дуань Лин кивнул в знак того, что он знает, после чего последовал за солдатом внутрь.

<http://bllate.org/book/15657/1400660>